

Зими́на Дарья Константи́новна

студентка

Провото́рова Ксения Серге́евна

студентка

Научный руководитель

Туревская Елена Ильинична

канд. психол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

г. Тула, Тульская область

КИБЕРБУЛЛИНГ И ЦИФРОВОЙ ЭТИКЕТ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: РОЛЬ АНОНИМНОСТИ И КЛАССНОЙ ИЕРАРХИИ В ЭСКАЛАЦИИ АГРЕССИИ

***Аннотация:** рассматриваются психологические причины, по которым цифровая среда раскрепощает подростковую агрессию заметно сильнее, чем живое общение. Выделены три фактора: эффект растормаживания при анонимности, перенос классной иерархии в групповой чат, групповая поляризация ответов класса в чате. Эмпирическая часть построена на анкете из шести вопросов; в опросе участвовали 38 учеников 7–9 классов. Ответы фиксируют разрыв: норма цифрового этикета на уровне суждений принимается, в реальной групповой ситуации не удерживает поведения. Предложены практические шаги для классного руководителя и педагога-психолога.*

***Ключевые слова:** кибербуллинг, цифровой этикет, анонимность, эффект растормаживания, групповая поляризация, классная иерархия, подростки, школьный класс.*

Школьный класс уже не помещается в четыре стены кабинета. У любого современного класса есть постоянное цифровое продолжение – групповой чат, об-

шая переписка в мессенджере, страницы в социальной сети. Звонок с урока ничего не заканчивает: то, что не дозрело на перемене, дозревает к ночи в переписке и наутро возвращается в школу.

По данным Г.У. Солдатовой и её коллег, около четверти российских подростков регулярно встречаются с травлей в цифровой среде – кто-то как жертва, кто-то как агрессор, большинство как свидетель [3]. Опыт онлайн-агрессии у школьника редко существует отдельно от его положения в классе: К.Д. Хломов с соавторами показали устойчивую связь между офлайновой ситуацией ученика и тем, как он действует в чате [4].

Возникает вопрос. Почему цифровая среда раскрепощает то, что в живом общении удерживается? И почему подросток, который при учителе ведёт себя сдержанно, в анонимной переписке готов к жестокости?

Цель работы – собрать в одну картину три психологических фактора, отвечающих за эту разницу: роль анонимности, перенос классной иерархии в чат, ускорение эскалации через групповую поляризацию. Теоретическая часть подкреплена коротким анкетным опросом.

Понятие кибербуллинга появилось в науке относительно недавно и опирается на классическое определение школьного буллинга, сформулированное в 1993 году Д. Олвеусом: повторяющееся во времени агрессивное поведение, основанное на асимметрии силы между агрессором и жертвой [5]. П. К. Смит с соавторами перенесли эту схему в цифровую среду и описали кибербуллинг как преднамеренный и повторяющийся вред, нанесённый через электронные средства коммуникации [6].

От офлайн-аналога цифровая травля отличается четырьмя признаками.

Первый признак – отсутствие безопасного места. Агрессор приходит вместе с уведомлением на телефоне, на любую кухню и в любой выходной.

Второй касается асимметрии в видимости. Анонимный аккаунт, второй ник, аватар без лица создают расстановку, при которой агрессор знает жертву, а жертва не знает агрессора.

Третий – масштаб аудитории. Тридцать одноклассников в общем чате становятся свидетелями каждой реплики, а скриншот выходит за пределы класса за считанные минуты.

Четвёртый признак – стойкость самого текста. Брошенная вслух фраза постепенно стирается из памяти; та же фраза в чате цитируется через неделю и через год, пересылается, всплывает повторно.

У жертв травли в сети, по наблюдениям А.А. Бочавер и К.Д. Хломова, повышен уровень тревожности, чаще встречаются депрессивные проявления, заметно снижается учебная мотивация в сравнении со сверстниками без такого опыта [1].

Понятие цифрового этикета часто сводят к набору правил вежливости в сети, и это сильное упрощение. Норма коммуникации в мессенджере опирается на способность удерживать контекст: распознавать, кому, когда и в каком тоне уместно писать, замечать, как сообщение прочитает другой, отличать публичную часть переписки от приватной. Подросток, попадающий в социальные сети, такой нормы чаще всего не имеет – образцы перед глазами либо отсутствуют, либо демонстрируют ровно противоположное.

Психологическое объяснение того, почему сетевое общение оказывается жёстче живого, дал Дж. Сулер. *Эффект растормаживания в сети* (onlinedisinhibitioneffect) описывает шесть параллельно работающих факторов [7].

Первый – диссоциативная анонимность. Никнейм отделяет действия в чате от человека за экраном: «это не совсем я».

Второй – невидимость. Слезы и дрожь в голосе собеседника не доходят до отправителя, реакция жертвы остаётся за кадром.

Третий – асинхронность. Сообщение можно отложить на час, а можно удалить через минуту. Ощущение «живой» коммуникации пропадает.

Четвёртый – солипсическая интроекция. Чужой текст читается внутренним голосом и постепенно превращается в часть собственного мышления, а реальный человек за этим текстом стирается.

Пятый – диссоциативное воображение. Чат воспринимается как игра, в которой действия не имеют последствий «по-настоящему».

Шестой – минимизация статуса. Сетевое общение уравнивает учителя и ученика, родителя и подростка; внешний авторитет, удерживающий поведение офлайн, в чате почти не работает.

Анонимность сама по себе не превращает подростка в агрессора. Она снимает сдерживающие барьеры, и этого достаточно. Близкий социально-психологический феномен – деиндивидуация: чем менее опознаваемым человек себя ощущает, тем быстрее он действует по групповой норме. Если норма в данный момент агрессивна, подключение происходит почти автоматически.

Школьный класс всегда имеет внутреннюю иерархию: лидеры, их ближний круг, нейтральная середина, аутсайдеры. Цифровое продолжение класса – общий чат – эту иерархию не сглаживает. По наблюдениям Е.Н. Волковой и И.В. Волковой, агрессивное поведение в подростковом онлайн-пространстве чаще всего переносит уже сложившиеся школьные роли в новую среду, а не порождает их заново [2].

В чате иерархия проступает резче, чем в коридоре школы. Реплика лидера набирает реакции почти мгновенно. Молчание после сообщения от аутайдера видят все участники, и оно читается как сигнал. Низкая статусная позиция, привычная офлайн, в переписке усиливается: текст, оставшийся без отклика, превращается в публичный знак отвержения.

Сам сценарий травли в чате воспроизводит школьную динамику. Лидер задаёт направление, ближний круг подхватывает, нейтральные молчат, аутсайдер становится мишенью. Анонимности здесь может не быть вовсе – все знают друг друга по именам. Но включается её аналог: разделённая ответственность. «Я просто поставил смайлик», «я ничего не написал», «начал не я». В групповом действии вина растворяется.

Эскалация выделяется в самостоятельное явление. Реплика, на которую класс ответил лайками или смеющимися смайликами, создаёт автору прецедент. Следующее его сообщение оказывается жёстче, и группа подхватывает уже его.

Социальная психология описывает этот процесс как *групповую поляризацию*: позиция большинства в ходе обсуждения не сохраняется на исходном уровне, а усиливается.

В подростковом чате схема разгоняется быстрее, чем во взрослой коммуникации. Внутренний тормоз ещё формируется, регулятор поведения вынесен наружу – в реакции группы. Группа смеётся – шутка повторяется в более агрессивной версии. Жертва молчит – отсутствие сопротивления читается как разрешение, и амплитуда нарастает.

Эскалация в цифровой среде имеет собственную инерцию. Остановить её внутри класса без вмешательства взрослого или резкой смены групповой расстановки получается редко.

Теоретические положения проверялись через короткое анкетирование. В опросе участвовали 38 школьников 7–9 классов в возрасте 13–16 лет. Анкета содержала шесть закрытых вопросов, распределённых по трём блокам: отношение к нормам цифрового этикета, готовность включиться в коллективную агрессию, представления об анонимности. Распределение ответов сведено в таблицу 1.

Таблица 1

Распределение ответов подростков на вопросы анкеты (n = 38)

№	Содержание вопроса	Вариант А, %	Вариант В, %
1	Высказывания в чате должны соответствовать тем же нормам, что и устная речь	согласен – 78,9	не согласен – 21,1
2	Готовность поставить смех или поддерживающую реакцию на оскорбительный пост в чате класса	никогда – 39,5	иногда / часто – 60,5
3	Сообщение от анонимного аккаунта легче проигнорировать, чем сообщение от знакомого	согласен – 31,6	не согласен – 68,4
4	Замечал случаи, когда обычная переписка переходила в травлю	редко – 26,3	регулярно – 73,7
5	Готовность вступить за одноклассника в чате, если его травят	да – 28,9	нет / затрудняюсь – 71,1
6	Анонимность в сети повышает вероятность жёстких высказываний	согласен – 81,6	не согласен – 18,4

Сопоставление первых двух вопросов даёт основное наблюдение всего опроса. Норма цифрового этикета принимается на уровне суждения почти единогласно: 78,9% согласны, что в чате должны действовать те же правила, что и в живом разговоре. Та же выборка в вопросе о реакции на оскорбительный пост одноклассника распадается иначе – 60,5% признают, что иногда или часто ставят под подобный пост поддерживающую реакцию. На словах правило есть. В поведении его нет.

Третий вопрос разрушает распространённое представление об анонимности. Идея «не от знакомого – значит, можно проигнорировать» поддержки не получает: 68,4% не согласны с такой позицией. Анонимный комментарий тревожит сильнее, потому что неизвестно, кто стоит за ним и что последует дальше. Анонимность работает не на стороне жертвы, а на стороне агрессора.

Четвёртый вопрос показывает регулярность эскалации. 73,7% опрошенных периодически наблюдают, как обычная переписка превращается в травлю. Это не редкое событие, а постоянный фон.

Пятый вопрос обнаруживает структурный дефицит. Вступить за одноклассника, на которого нападают в чате, готовы только 28,9% подростков. Остальные 71,1% либо не готовы, либо не могут определиться. Е. Н. Волкова и И. В. Волкова в своих исследованиях писали о том же: ход травли решает не пара «агрессор – жертва», а позиция большинства, то есть свидетелей [2]. Молчаливая аудитория делает травлю возможной – ровно эта картина видна в ответах.

Шестой вопрос завершает образ. Связь между анонимностью и жёсткостью высказываний осознают 81,6% опрошенных. Знание о механизме есть. Способности удерживать поведение в групповой ситуации – нет.

Общая картина повторяется во всех блоках: декларация одна, поведение другое. Подростки осознают значение цифрового этикета, видят регулярные эпизоды травли в своей группе, понимают логику анонимности – и при этом в самой ситуации действуют не по знанию, а по динамике класса в чате.

Такой результат вписывается в логику растормаживания, описанную Дж. Суллером [7], и в наблюдения К.Д. Хломова с коллегами над российскими школьни-

ками [4]: цифровая травля у подростков почти никогда не оказывается результатом индивидуального решения. Это коллективный процесс, в который участники втягиваются раньше, чем успевают его осмыслить.

Анонимность здесь не первопричина, а ускоритель. Она убирает страх быть узнанным. Иерархия класса задаёт направление: кого травят, кто запускает. Групповая поляризация задаёт скорость: каждое одобрение увеличивает следующий шаг. Три фактора работают одновременно, поэтому профилактика, направленная только на один из них, обычно проваливается.

Кибербуллинг в подростковом классе плохо объясняется через индивидуальную жестокость отдельных «трудных» детей. Куда точнее картина выстраивается через пересечение трёх факторов: растормаживания при анонимности, переноса школьной иерархии в групповой чат, эскалации через одобрение большинства.

Опрос показал, что подростки принимают нормы цифрового этикета как разумные, но в реальной групповой ситуации эти нормы их поведения не удерживают. Большинство учеников оказывается ни в роли агрессора, ни в роли жертвы. Они становятся свидетелями. Молчаливая аудитория и есть та сила, благодаря которой травля происходит.

Разовые классные часы про «правила поведения в интернете» проблему не решают. Серьёзная профилактика опирается на работу с групповой динамикой класса, и инструменты у классного руководителя и педагога-психолога для этого есть. Полезно регулярно разбирать с классом конкретные эпизоды переписки (без называния имён): что произошло, как это видели разные участники, какой выбор был у каждого. Особое внимание стоит уделять позиции свидетеля. Подросток должен понимать, что молчание – тоже выбор и что одной поддерживающей реплики в адрес жертвы хватает, чтобы переломить ситуацию.

В классе нужен простой протокол реакции на травлю в чате: к кому обращается первый увидевший, как сохраняется ситуация, кто из взрослых подключается. Без такого протокола подросток, столкнувшийся с травлей, чаще всего не ввязывается. Не из равнодушия. Из растерянности.

Тему анонимности уместно обсуждать прямо. У любого «безопасного» анонимного сообщения есть автор, технические средства идентификации делают анонимность всё более условной – и подросткам это знание полезнее любого запрета.

Список литературы

1. Бочавер А.А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. №3. – С. 177–191. EDN TWHXXF

2. Волкова Е.Н. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга / Е.Н. Волкова, И.В. Волкова // Вестник Мининского университета. – 2017. – №3 (20). – Статья 16. DOI 10.26795/2307-1281-2017-3-16. EDN ZQXSCZ

3. Солдатова Г.У. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Т.А. Нестик. – М.: Смысл, 2017. – 375 с. EDN XUPTRZ

4. Хломов К.Д. Кибербуллинг в опыте российских подростков / К.Д. Хломов, Д.Г. Давыдов, А.А. Бочавер // Психология и право. – 2019. – Т. 9. №2. – С. 276–295. DOI 10.17759/psylaw.2019090219. EDN VWPDUR

5. Olweus D. Bullying at school: what we know and what we can do. Oxford: Blackwell, 1993. – 140 p.

6. Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils / P. K. Smith, J. Mahdavi, M. Carvalho [et al.] // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2008. Vol. 49. No. 4. P. 376–385.

7. Suler J. The online disinhibition effect // CyberPsychology & Behavior. 2004. Vol. 7. No. 3. P. 321–326.